

АРТУР
КОНАН ДОЙЛЬ

СОБАКА
СЕМЬИ
БАСКЕРВИЛЛОВ

12+

Артур Конан Дойл

Собака семьи Баскервилль

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Конан Дойл А.

Собака семьи Баскервилль / А. Конан Дойл — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-10323-8

Рассеянный посетитель забыл у Шерлока Холмса свою палку. Но вся история уходит корнями в седую древность, потому что, по старой легенде, за грехи старого сэра Хьюго семью Баскервиллей преследует призрак адской собаки... Повесть «Собака Баскервиллей» замечательного английского писателя Артура Конан Дойля (1859–1930) давно полюбилась читателям многих стран мира. Сегодня в новом переводе перед нами вновь предстаёт загадочная история с пропавшим ботинком сэра Генри, ночные приключения на безлюдной пустоши — и Шерлок Холмс расследует самое сложное преступление XIX века! «За мной, читатель!»

ISBN 978-5-532-10323-8

© Конан Дойл А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие переводчика	5
Глава 1. Мистер Шерлок Холмс	6
Глава 2. Проклятие Баскервиллей	11
Глава 3. Загадка	18
Глава 4. Сэр Генри Баскервилль	24
Глава 5. Три оборванные нити	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Артур Конан Дойл

Собака семьи Баскервилль

Предисловие переводчика

...Подростком, прочитав «Собаку Баскервиллей», я поставил эксперимент: попробовал немного почистить (осторожно, сбоку) коричневый ботинок чёрным гуталином. Результат получился очень интересным – ботинок так и остался светло-коричневым, но теперь – с чёрными разводами и комьями гуталина. Ситуацию пришлось исправлять с помощью тряпки. Я, конечно, удивился, но этим тогда дело и кончилось – мало ли в науке было неудачных экспериментов?

Впрочем, желающие могут сами попробовать.

А если получится?

В оригинале у Конан Дойля ничего подобного о перекрашивании ботинок в чёрный цвет не говорится. Однако, к сожалению, эта «трудность перевода» попала даже в великолепный фильм Игоря Масленникова. Бывает же!

Самый известный перевод «Собаки», ставший уже каноническим, содержит и некоторые другие неточности. Не исключено, что это связано с тем, что английский язык в СССР был до начала 1960-х годов менее распространён, чем немецкий (а до того – французский).

В данном переводе сделана попытка исправить замеченные недочёты.

Мне же остаётся выразить надежду на то, что я не добавил в книгу новых недоразумений и пожелать читателю приятного чтения.

М. Ш.

Глава 1. Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс, который обычно вставал очень поздно, за исключением тех нередких случаев, когда он совсем не ложился ночью, сидел за столом и завтракал. Я стоял на коврике перед камином и держал перед собой трость, которую вчера вечером забыл у нас какой-то посетитель. Это была отличной работы трость, вырезанная из толстого куска пальмового дерева, такая, какие называются «адвокат из пенанга»¹, ибо подобная палка при известном развитии событий могла бы послужить в качестве последнего, и весьма увесистого, аргумента в защите; трость увенчивал набалдашник в виде луковицы. Прямо под набалдашником была серебряная табличка в виде ленты, шириной приблизительно в один дюйм². На ней было выгравировано: «Джеймсу Мортимеру, M. R. C.S.³, от его друзей из С. С. Н.», и стояла дата: «1884 год». Вообще, это была типичная трость, с какими ходили семейные врачи старомодного склада – величественные, с большим чувством собственного достоинства, а разговаривали они с пациентами весьма ободряющим голосом.

– Итак, Уотсон, что вы думаете о ней?

Холмс сидел спиной ко мне и не мог видеть того, чем я занимаюсь.

– А как вы узнали о том, что я делаю? Ещё немного, и я поверю, что у вас есть глаза на затылке.

– У меня есть, по крайней мере, посеребренный кофейник, который стоит передо мною, и он хорошо начищен, – ответил Шерлок Холмс. – Но, скажите мне, Уотсон, к каким выводам пришли вы, рассматривая трость нашего посетителя? Поскольку мы с вами так неудачно упустили его самого, и не знаем, с какой целью он к нам приходил, то этот случайный сувенир получает в наших глазах особое значение. Я хотел бы узнать, в какой степени вам удалось воссоздать личность хозяина этой трости после её обследования.

– Я думаю, – сказал я, следуя, насколько получалось, методам моего друга, – что доктор Мортимер – это, без сомнения, пожилой врач, он пользуется успехом, уважаемый человек, раз уж его знакомые вручили ему эту трость в знак своей высокой оценки его достоинств.

– Хорошо! – сказал Холмс. – Превосходно!

– Я ещё прихожу к выводу о том, что весьма велика вероятность в пользу сельского врача, который много ходит пешком, когда навещает своих пациентов.

– Почему вы так думаете?

– Да потому что эта трость была когда-то весьма красивой вещью, а теперь она сбита так, что я с трудом могу представить её в руках городского врача. Толстый железный наконечник внизу так изношен, что само собой очевидно – хозяин этой трости прошёл с ней немалые расстояния.

– Звучит просто великолепно! – сказал Холмс.

– И, опять же, здесь написано: «От друзей по С. С. Н.». Я думаю, что это должно быть каким-то охотничьим обществом, точнее – местным охотничьим клубом, членам которого

¹ Трость «адвокат из пенанга», или «весомый аргумент в защите» – палка из пальмового дерева. Может служить для нападения и обороны. Слово «пенанг» происходит, вероятно, от малайского названия «*pinang liyar*» пальмы рода *Agave* семейства *Agavaceae* (лат.), произрастающей во влажных тропических лесах Малайзии и Соломоновых островов. Само слово «агеса» происходит от названия этого вида растения, которое бытует на Малабарском побережье Индии. Трости подобного рода использовались в качестве орудия убийства в Южной и Восточной Африке, Австралии. Как правило, это трость с большим набалдашником, которым ударяли противника по голове. Использовалась также для охоты. Слово «кпор» на языке африкаанс в данном контексте означает «набалдашник», «*kierie*» «трость». Варианты: «*knobkierrie*», «*knobkerrie*», «*knopkierrie*», «*knobkerrie*» или «*kierrie*», «*kierie*». (Здесь и далее примечания переводчика.)

² 1 английский дюйм ≈ 2,539 см.

³ M.R.C.S. – член Королевского хирургического колледжа Великобритании и Ирландии (англ. Membership of the Royal Colleges of Surgeons of Great Britain and Ireland).

он, возможно, в случае необходимости оказывал хирургическую помощь, и они сделали ему небольшой подарок в качестве ответной любезности.

– Действительно, Уотсон, вы превзошли самого себя, – сказал Холмс, отодвигая назад свой стул и зажигая сигарету. – Я должен констатировать, что все ваши выводы были столь хороши, что могли бы в известной мере пригодиться и для моих скромных умозаключений, а ведь вы обычно недооцениваете свои собственные способности. Знаете, может быть, вы сами и не являетесь светочем познания, но вы – настоящий проводник света. Некоторые люди, не обладая гениальными способностями, имеют весьма примечательное свойство стимулировать мышление. Я признаю, мой дорогой друг, что я очень обязан вам в этом смысле.

Он никогда раньше не говорил так много, и я вполне допускаю, что его слова доставили мне особое удовольствие, так как я часто бывал уязвлён его безразличием и к моему восхищению его методами работы, и к моим попыткам сделать их достоянием гласности. Меня порадовала мысль, будто я настолько овладел этой системой, что смог приложить её в некотором смысле на практике и заслужил одобрение Шерлока Холмса. Он взял теперь трость из моих рук и несколько минут изучал её невооружённым глазом. Затем с выражением явной заинтересованности на лице отложил сигарету, отошёл с тростью к окну, и снова стал рассматривать её через мощную линзу своей лупы.

– Интересно, хотя и вполне элементарно, – сказал он, возвращаясь на свой любимый угол диванчика. – На этой трости есть, несомненно, кое-какие любопытные места. Они станут отправной точкой для наших размышлений.

– Что-нибудь ускользнуло от моего внимания? – спросил я с чувством некоторого самодовольства. – Мне кажется, что я не упустил из виду ничего важного?

– Я боюсь, мой дорогой Уотсон, что ваши выводы, в большинстве своём, были неверными. Когда я говорил о том, что вы оказываете на меня стимулирующее воздействие, я хотел сказать, честно говоря, что ни один из ваших ошибочных выводов так и не помог мне продвинуться на пути к истине. Не могу, впрочем, утверждать, что вы полностью заблуждаетесь. Этот человек – несомненно, практикующий сельский врач. И он много ходит пешком.

– Следовательно, я прав.

– Да, но только до этой точки наших рассуждений.

– Но ведь мы выжали всё, что можно, из этой палки!

– Нет-нет, мой дорогой Уотсон, это не всё, никоим образом не всё. Я могу предположить, что подарок доктору мог быть сделан с большей степенью вероятности в больнице, чем в охотничьем клубе, а тогда буквы «С.С.» самым естественным образом должны означать больницу «Чаринг-Кросс»⁴.

– Что ж, может быть, вы и правы.

– Да, истина находится где-то рядом. И, если мы возьмём наши выводы в качестве рабочей гипотезы, то у нас появится некий базис, некая основа, на которой мы можем начать реконструкцию личности незнакомого нам посетителя.

– Хорошо, тогда предположим, что «С.С.Н.» действительно означает «Charing Cross Hospital», но какие ещё логические выводы мы можем теперь сделать?

– У вас нет своих предположений? Вам известны мои методы. Попробуйте применить их!

– Я могу только сделать очевидный вывод, что этот врач практиковал в городе перед тем, как переехать в деревню.

– Я думаю, что мы могли бы осмелиться пойти немного дальше. Взгляните на этот случай в свете следующих размышлений. При каких обстоятельствах такой подарок может быть преподнесён с наибольшей вероятностью? Когда друзья нашего посетителя могли бы сделать складчину для того, чтобы вручить ему подобное доказательство своего доброго к нему отно-

⁴ Больница «Чаринг-Кросс» (англ. Charing Cross Hospital) – крупнейшая клиническая больница в Лондоне.

шения? Очевидно, в тот момент времени, когда доктор Мортимер покидает больницу и становится частнопрактикующим врачом. Мы знаем, что ему был поднесён памятный подарок. Мы уверены в том, что доктор Мортимер сменил городскую больницу на практику в сельской местности. Можно ли теперь сказать, что мы зашли в своих логических выводах слишком далеко для того, чтобы утверждать, что подарок был сделан по случаю отъезда?

– Это, вне всякого сомнения, представляется вероятным.

– Далее. Как вы понимаете, речь не может идти о штатном враче в этой больнице, поскольку на такой должности может работать только человек с хорошим авторитетом в медицинских кругах Лондона, но такому специалисту нет никакой необходимости переезжать в сельскую местность. Итак, этот человек – кто же он в таком случае? Если он не работал на постоянной основе в больнице, то он может быть частнопрактикующим хирургом или частнопрактикующим терапевтом, с меньшей вероятностью – студентом старших курсов. Он покинул больницу пять лет назад, – это показывает дата на трости. Таким образом, ваш семейный врач средних лет растворился в воздухе, мой дорогой Уотсон, и перед нами возникает молодой человек, возрастом примерно под тридцать лет, дружелюбный, не амбициозный, рассеянный, и у него есть любимая собака, о которой я должен сказать, что она больше, чем терьер и меньше, чем дог.

Я недоверчиво улыбнулся, а Шерлок Холмс откинулся назад на своём диванчике и начал пускать небольшие кольца табачного дыма, которые быстро таяли, поднимаясь к потолку.

– Что касается последнего, то у меня нет средств, годных для проверки ваших выводов, – сказал я. – Но, по крайней мере, будет нетрудно поискать некоторые сведения о возрасте человека и его профессиональной карьере.

Я снял с моей небольшой полки с врачебной литературой «Медицинский справочник» и открыл его на нужной странице. Там было несколько Мортимеров, но только один из них мог быть нашим гостем. Я громко прочитал вслух: «Мортимер Джеймс, М. R. C.S., 1882, Гримпен, Дартмур, графство Девоншир ⁵. В 1882–1884 гг. – куратор хирургического отделения больницы „Чаринг-Кросс“. Обладатель Джексонской премии в области сравнительной патологии за публикацию „Является ли болезнь признаком вырождения?“⁶. Член-корреспондент Шведского общества патологов. Автор статьи „Некоторые уродства, возникающие вследствие атаксизмов ⁶“ („Ланцет“ ⁷, 1882), „Продолжаем ли мы эволюционировать?“ („Психологический Журнал“, март, 1883). Приходской врач в Гримпене, Торсли и Верхнем Барроу».

– И никакого намёка на какой-либо охотничий клуб, Уотсон! – сказал Холмс, озорно улыбаясь. – Но сельский врач, которого вы с такой проницательностью смогли вычислить, существует. Я думаю, что мои логические предположения вполне верны. Что касается имён прилагательных, которые мы употребили относительно нашего гостя, то мне помнится, я сказал, что человек он дружелюбный, не амбициозный и рассеянный. Я считаю, вполне установленным фактом, что он действительно дружелюбен, так как на этом свете только такому человеку могут поднести подарок с дарственной надписью, только очень неамбициозный человек может покинуть Лондон и уехать в деревню, и только рассеянный человек, просидев час в нашей комнате, может уйти, оставив трость вместо визитной карточки.

– А как же собака?

– У неё есть привычка носить палку за своим хозяином. Поскольку палка тяжёлая, собака берет её точно посередине, и следы от её зубов очень хорошо видны. Челюсть собаки, – как показывает расстояние между этими следами от зубов, – слишком велика, по-моему, для

⁵ **Девоншир** – графство в Юго-Западной Англии, официальное название Дёвон, также Дёвоншир (англ.: Devon и Devonshire).

⁶ **Атаксизм** – патологическое появление у потомка какого-либо признака, существовавшего когда-то у его отдалённых предков. Например, появление волосяного покрова там, где в норме его не должно быть (мед.).

⁷ «Ланцет» («The Lancet») – английский медицинский журнал.

терьера и недостаточно широка для дога. Это, возможно... да, клянусь Юпитером, это спаниель с длинной кудрявой шерстью.

Холмс встал и начал ходить по комнате, продолжая говорить. Теперь он остановился в проёме окна. В его голосе звучала такая убеждённость, что я удивлённо поднял на него глаза.

– Мой дорогой друг, как вы можете быть так уверены в этом?

– По той весьма простой причине, что я вижу упомянутую собаку своими собственными глазами прямо у нашего порога, а вот и её хозяин звонит нам в дверь. Не уходите, прошу вас, Уотсон. Наш посетитель – из вашего профессионального сообщества, и ваше присутствие должно мне помочь. А теперь настает драматический момент, так оно и бывает – слышите, Уотсон: это сама Судьба поднимается сейчас к вам по лестнице, и кто может сказать, что она принесёт – радость или неприятности? О чём может спросить доктор Мортимер, человек науки, детектива Шерлока Холмса? Войдите!

Внешность нашего посетителя несколько озадачила меня, поскольку я ожидал появления типичного сельского врача. А к нам вошёл очень высокий, худой человек, с носом, длинным, как птичий клюв, который торчал между двумя близко посаженными серыми глазами, пронзительный взгляд которых яркими лучами сиял из-за стёкол в золотой оправе. Он был одет так, как обычно одеваются врачи, но довольно неряшливо, поскольку его сюртук вытерся от старости, а брюки были обтрёпанными. Несмотря на молодость нашего гостя, его спина была уже сутулой, он ходил, наклонив голову вперёд, и просто излучал крайнюю доброжелательность. Когда д-р Мортимер вошёл, его взгляд упал на трость в руке Холмса, и он подбежал к Холмсу, вскрикнув от радости.

– Я так рад, – сказал он, – потому что не мог вспомнить, где же я её забыл – здесь или в конторе паровой компании. Эту трость я не променяю на все сокровища мира!

– Это подарок, как я вижу, – сказал Холмс.

– Да, сэр.

– От больницы «Чаринг-Кросс»?

– От одного или двух друзей там, по случаю моей свадьбы.

– Друг мой, это очень, очень плохо, – сказал Холмс, покачав головой.

Д-р Мортимер посмотрел на него через очки слегка удивлённо.

– Но чем же это плохо?

– Только тем, что вы расстроили наши маленькие умозаключения, сделанные с помощью метода дедукции. Так по случаю вашей свадьбы, вы сказали?

– Да, сэр. Я вступил в брак, и поэтому оставил больницу, а вместе с ней мне пришлось распрощаться со всеми надеждами сделать карьеру врача-консультанта. Появилась необходимость зажить своим собственным домом.

– Так-так, в конце концов, мы были не так уж далеки от истины – сказал Холмс. – А сейчас, господин доктор Джеймс Мортимер...

– Что вы, мистер Холмс, называйте меня просто мистером Мортимером, я ведь всего-навсего скромный член Королевского хирургического колледжа.

– И, по всей видимости, человек точного склада ума?

– Я по-любительски барахтаюсь на поверхности моря науки, мистер Холмс, просто собираю ракушки на берегу океана Неизвестности. Я полагаю, что обращаюсь к мистеру Шерлоку Холмсу, а не...

– Нет, это мой друг, доктор Уотсон.

– Рад познакомиться с вами, сэр. Мне известно ваше имя, оно часто употребляется, когда речь идёт о вашем друге. Вы очень заинтересовали меня, мистер Холмс. Я, право, не ожидал увидеть такой череп, вы – очень выраженный долихоцефал⁸, и у вас столь отчётливо выражена

⁸ Долихоцефал – в анатомии: человек с черепом удлинённой формы (от др.-греч. *δοῦλῆος* «длинный» и *κεφαλή* «голова»).

супраорбитальная ⁹ часть лобной кости. Вы не будете возражать, если я пропальпирую вашу *fissura parietalis* ¹⁰? Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы послужить украшением любого антропологического музея до тех пор, пока сам оригинал не станет доступным для нас. Я вовсе не хочу нагрубить вам, но признаю, что сделал бы всё для того, чтобы получить ваш череп для моей коллекции.

Шерлок Холмс усадил нашего странного посетителя на стул.

– По всей видимости, вы такой же энтузиаст в сфере своей деятельности, как и я в своей, – сказал он. – Ваш указательный палец подсказывает мне, что вы сами набиваете себе сигареты. Можете не стесняться и закурить одну из них.

Наш посетитель вынул табак и бумагу, после чего с удивительной ловкостью завернул одно в другое. Пальцы у него были длинные, они подрагивали и двигались быстро и беспокойно, как усики у насекомого.

Холмс молчал, но по быстрым взглядам, которые он бросал на нашего посетителя, я видел, что наш любопытный гость заинтересовал его.

– Я могу предположить, сэр, – сказал он, наконец, – что вы пришли не просто с целью оценки моего черепа, весьма лестной для меня, причём пришли дважды – вчера вечером и сегодня?

– Нет, сэр, нет, – хотя я и был счастлив заняться заодно и этим тоже. Я пришёл к вам, мистер Холмс, поскольку я вполне отдаю себе отчёт в том, что я – человек весьма непрактичный, а сейчас внезапно столкнулся с неким очень серьёзным и экстраординарным случаем. Общеизвестно, что вы второй по величине эксперт в Европе...

– В самом деле, сэр? Я могу узнать, кто имеет честь быть первым? – спросил Холмс отчасти грубовато.

– На человека с точным и научным складом ума работы мсье Бертильона ¹¹ просто должны производить более сильное впечатление.

– Тогда, может быть, вам лучше проконсультироваться у него?

– Я же сказал, что имею в виду точное научное мышление. Но с точки зрения практической работы, вы, по общему признанию, стоите вне конкуренции. Я надеюсь, сэр, что я ничего такого ненароком...

– Да так, самую малость, – сказал Холмс. – Я думаю, доктор Мортимер, с вашей стороны будет весьма благоразумно, если вы просто и без дальнейших предисловий, любезно сообщите мне, и при этом с максимальной точностью, суть проблемы, в связи с которой вам требуется моя помощь.

⁹ Супраорбитальная – надглазничная (мед.).

¹⁰ *Fissura parietalis* – лобная борозда головного мозга (лат.). Пропальпировать её невозможно, это явная ошибка автора.

¹¹ Бертильон, Альфонс (1853–1914) – офицер французской полиции, разработал научную систему идентификации личности, которая основывается на антропологических измерениях, словесном описании, фотографии, отпечатках пальцев и т. д.

Глава 2. Проклятие Баскервиллей

- В моём кармане лежит рукопись, – сказал д-р Джеймс Мортимер.
- Я заметил это ещё тогда, когда вы входили в комнату, – сказал Холмс.
- Это старый манускрипт.
- Начало восемнадцатого века, если только документ не подделан.
- Как вы это определили, сэр?

– В течение нашей беседы вы всё время показывали мне один-два дюйма этого документа, что дало мне возможность идентифицировать его. Нужно быть очень плохим экспертом, чтобы не суметь определить дату документа с точностью до десяти лет или около того. Возможно, вы читали мою небольшую монографию ¹² на эту тему. Я датирую ваш документ примерно 1730 годом.

- На нём есть точная дата – 1742 год.

Д-р Мортимер вынул рукопись из нагрудного кармана.

– Эта семейная реликвия была доверена мне сэром Чарльзом Баскервиллем, чья неожиданная и трагическая смерть, постигшая его около трёх месяцев назад, так переполошила всё графство Девоншир. Я могу сказать, что я был не только врачом, но и личным другом сэра Чарльза. Он был человеком большого ума, сэр, проницательным, практичным, и так же лишённым воображения, как и я сам. Однако, он весьма серьёзно относился к этому документу, и поэтому был подготовлен к точно такому концу, который, в конечном счёте, и постиг его.

Холмс протянул руку, взял рукопись и разглядел её у себя на колене.

– Посмотрите, Уотсон, сколь различно начертание строчной и заглавной буквы «s». Это один из нескольких признаков, которые позволили мне установить дату документа.

Я посмотрел через его плечо на пожелтевшую бумагу, исписанную выцветшими чернилами. Вверху было написано: «Баскервилль-Холл», а ниже стояло большими корявыми цифрами: «1742».

- Похоже на то, что этот документ содержит важные сведения.

- Да, это изложение легенды, которая бытует в семье Баскервиллей.

– Однако, как я понимаю, есть нечто более современное и актуальное для нас, по поводу чего вы собираетесь у меня проконсультироваться?

– Современнее не придумаешь. Если смотреть с практической точки зрения, то это весьма неотложный вопрос, который должен решиться в течение двадцати четырёх часов. Но рукопись – короткая, и она самым тесным образом связана с делом. С вашего разрешения, я вам её прочитаю.

Холмс откинулся на спинку стула, сомкнул кончики пальцев, и с выражением полной покорности судьбе закрыл глаза. Д-р Мортимер повернул рукопись к свету и прочитал высоким, надтреснутым голосом следующее весьма любопытное повествование из старинной жизни:

«В наших мезах многое рассказывают о том, как началась эта история про собаку Баскервиллей, но только я, как потомок Хьюго Баскервилля по прямой линии, и как человек, который слышал её от моего отца, который также слышал её от своего отца, я записываю её для потомков с твёрдым убеждением в том, что всё произошло именно так, как изложено здесь. И вы должны верить, дети мои, в то, что тот же Судия, который карает нас за грехи, может также весьма милосердно помиловать нас, и что никакое проклятие не может быть столь тяжело, что его нельзя снять после молитвы и покаяния. Узнайте же затем из этого рассказа, что не нужно бояться плодов прошлого, но их довольно для того, чтобы быть осмотритель-

¹² **Монография** – научная книга, полностью посвящённая исследованию какого-либо одного вопроса.

ным в будущем, дабы те грязные страсти, от которых наша семья так мучительно страдала, не смогли вновь ворваться в нашу жизнь.

Да будет вам известно, что во времена Большого Восстания ¹³ (история которого изучена учёнейшим лордом Кларендоном ¹⁴, и я настоятельно рекомендую её вашему вниманию) хозяином поместья Баскервиллей был Хьюго Баскервилль, и никто не может отрицать того, что он был самым диким, вульгарным и безбожным человеком, какого только можно себе представить. Поистине, его соседи могли только сотворить молитву, видя, что святость никогда не процветала в этих местах, но была у него склонность к бессмысленным шуткам и жестокому юмору, которая сделала его имя притчей во языцех на всём Западе. И случилось так, что этот Хьюго полюбил (если, на самом деле, такая тёмная страсть может быть названа таким светлым именем) дочь йомена ¹⁵, у которого были земли возле поместья Баскервиллей. Но молодая девица, будучи благоразумной и хорошей репутации, должна была избегать его, поскольку одно имя этого злодея внушало ей ужас. И случилось так, что однажды в Михайлов день ¹⁶ этот Хьюго, в компании из пяти или шести своих друзей, людей холостых и нехороших, прокрался на ферму и выкрал девицу; её отец и братья были вне дома, это он хорошо знал. Когда они привезли её в Баскервилль-Холл, девица была усажена в верхнем зале, тогда как Хьюго и его друзья уселись и предались длительной попойке, – так, по установившемуся обычаю, проводили они каждую ночь. Теперь бедная девушка наверху была почти без ума от их пения, криков и страшных клятв, которые доносились до неё снизу, тем более, как говорят, что слова, которые использовал Хьюго Баскервилль, когда бывал пьян, могли бы поднять на воздух и разорвать в клочья человека, который сказал их. Наконец, намучившись от страха, который мог бы охватить и более смелого и самостоятельного человека, она с помощью того плюща, который покрывал (и всё ещё покрывает) южную стену дома, спустилась сверху из-под самых чердачных стрех, и таким образом побежала домой через пустошь, а расстояние между Баскервилль-Холлом и фермой её отца было три лиги ¹⁷.

Случилось так, что спустя небольшое количество времени, Хьюго оставил своих гостей для того, чтобы принести ещё пищи и напитков – а то ещё и с другими скверными намерениями, случайно заглянул к своей пленнице, и, таким образом, обнаружил, что клетка пуста, а птичка-то и улетела. Затем, как видно, не без помощи дьявола, он сбежал вниз по ступенькам в обеденный зал, запрыгнул на большой стол, – бутылки и разделочные доски разлетелись перед ним, и он громко прокричал перед всей компанией, что в эту же ночь предоставит своё тело и душу в распоряжение отца Зла, если он только сможет догнать девку. И пока кутили, ошеломлённые, стояли перед этим разъяренным человеком, ещё более скверным, или, может быть, ещё более пьяным, чем остальные, он объявил во всеуслышание, что надо послать по следу девицы гончих собак. При этих словах Хьюго выбежал из дома, позвал своих конюхов и приказал седлать свою кобылу, открыть конуру и дать гончим псам платок девушки, пустил их по следу и с громкими криками поскакал при лунном свете через пустошь.

Теперь пьяные кутили стояли некоторое время, разинув рты, будучи не в состоянии понять, что за опрометчивый поступок был сделан в их присутствии. Однако вскоре их разум смутила та история, которая должна была разыгаться посреди пустоши. Все начали шуметь, кто-то требовал принести пистолеты, кто-то приказывал привести лошадей, остальные взялись

¹³ **Большое восстание** (англ. The Great Rebellion) – гражданская война в Англии (1642–1660).

¹⁴ **Лорд Кларендон** – Эдвард Хайд, 1-й граф Кларендон (1609–1674), английский государственный деятель, лорд-канцлер, затем премьер-министр эпохи короля Карла II (1630–1685). Один из самых знаменитых историков Великобритании, автор книги «История восстания и гражданской войны в Англии» (вышла в свет в 1702–1704 гг.), первого фундаментального описания этих событий.

¹⁵ **Йомен, йомен** (англ. yeoman) – фермер средней руки (XIV–XVIII вв.), мелкий землевладелец.

¹⁶ **Михайлов день** отмечается 29 сентября.

¹⁷ **1 сухопутная лига** = 4,83 км.

за фляги с вином. Но постепенно некоторое сознание возвратилось в их взбесившиеся умы, и некоторые из них, числом тринадцать, сели на лошадей и начали поиски. Луна ярко освещала им дорогу, и они быстро ехали в ряд, следуя той дорогой, по которой, по-видимому, должна была бежать девушка, если она держала путь к себе домой.

Они проскакали милю¹⁸ или две, когда увидели на пустоши ночного пастуха, и крикнули, не видел ли он охотников со сворой собак?

И этот человек, как рассказывают, настолько был без ума от страха, что едва не лишился дара речи, но, в конце концов, он всё же сказал, что и в самом деле видел несчастную девушку, по следу которой гнались гончие собаки. „Но я видел больше, – сказал он. – Мимо меня проскакал Хьюго Баскервиль, он пронёсся на чёрной кобыле, а за ним молча гналась собака такого адского вида, что у меня, спаси, Господи, вся душа ушла в пятки“. И пьяные сквайры, осыпав пастуха проклятиями, поехали вперёд. Но вскоре они похолодели от страха, потому что, когда они скакали галопом через пустошь, они увидели чёрную кобылу, покрытую белой пеной, с болтающимися поводьями и пустым седлом. Тогда гуляки сбились в кучу, поскольку смертельный ужас объял их, но они всё ещё скакали через пустошь, несмотря на то, каждый из них, будь он здесь один, счёл бы за благо повернуть свою лошадь домой. Таким образом, они медленно ехали, и наконец, они догнали пущенных по следу гончих. Собаки, несмотря на то, что они были хорошей породы и отличались известной храбростью, подвывая, сбились в кучу в низине, или „goyal“, как мы её называем, которые бывают в нашей пустоши, некоторые ускользнули прочь, а другие, выпучив глаза, усталились на узкую долину, лежащую перед ними, и шерсть на загривках стояла у них дыбом.

Вся компания начала соображать лучше и была уже более трезвой, чем вы можете себе представить, по сравнению с тем, когда она выехала из Баскервиль-Холла. Большинство из них было, без сомнения, разумными людьми, но трое – самые храбрые или, может быть, самые пьяные – спустились вниз в лошину. И тут они оказались на широкой долине, на которой стояли два больших камня, те, которые и сейчас можно здесь видеть, они были тут поставлены в старину людьми, чьи имена, без сомнения, уже давно забыты. Луна ярко сияла над пустошью, и там посередине лежала несчастная девушка, которая упала замертво от страха и усталости. Но не к ней были прикованы их взгляды, а к телу Хьюго Баскервилля, лежащему около неё, и встали дыбом волосы на головах этой беспшашной троицы гуляк, ибо было так, что над Хьюго стояло и терзало его горло, некое нечистое создание, большой и чёрный зверь, подобный гончей собаке, но больше, чем любая из гончих собак, которых когда-либо видел глаз смертного. И, прежде, чем они увидели, как это создание порвало глотку Хьюго Баскервилля, и то, как оно повернуло свои пылающие пламенем глаза и сомкнуло на нём челюсти, все трое с ужасными воплями, спасая свою жизнь, поскакали через пустошь. Один из них, как рассказывают, умер, не пережив этой ночи, двое других остались в живых, но повредились умом.

Таков мой рассказ, дети мои, о появлении собаки, которая, как говорят, до сих пор преследует нашу семью. И, если я пишу об этом, то лишь в качестве предупреждения, ибо нам несомненно ясно, что известная опасность может причинить гораздо меньше вреда, чем различные вымыслы и догадки. Никто не может отрицать того, что многие члены нашей семьи умерли насильственной смертью, которая была внезапной, кровавой и загадочной. Пока мы можем поручить себя бесконечной доброте Провидения, которое не может вечно карать невинных после третьего или четвертого поколений, как сказано в Святом Писании. Этому Провидению, дети мои, сим я препоручаю вас, и я настоятельно рекомендую и предупреждаю вас о том, что вы не должны выходить на пустошь в те часы, когда там во тьме беспредельно царит отец Зла.

¹⁸ 1 английская сухопутная миля = 1609,34 м.

[Это послание от Хьюго Баскервилля к его сыновьям Роджеру и Джону, с условием о том, что они ничего не скажут сестре своей Элизабет.]».

Когда д-р Мортимер завершил чтение этого оригинального повествования, он сдвинул очки себе на лоб и пристально посмотрел на Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурки сигареты в камин.

– Ну, и что? – спросил он.

– А вы не находите эту историю интересной?

– Да, для собирателей сказок о феях, волшебниках и эльфах.

Д-р Мортимер вынул из кармана свёрнутую газету.

– А теперь, мистер Холмс, обратимся к событиям, несколько более современным. Это «Хроника Графства Девоншир» за 14 мая этого года. Здесь кратко изложены обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервилля, которая случилась за несколько дней до этой даты.

Мой друг наклонился немного вперёд, выражение его лица стало заинтересованным. Наш гость вновь утвердил на носу очки и начал читать:

«Неожиданно случившаяся недавно смерть сэра Чарльза Баскервилля, которого прочили в кандидаты от Либеральной партии на предстоящих выборах в Среднем Девоншире, погрузила во мрак скорби всю нашу округу. Несмотря на то, что сэр Чарльз относительно недолго прожил в Баскервилль-Холле, его приветливый характер и невероятная щедрость завоевали любовь и уважение со стороны всех, кто был знаком с ним. В наши дни процветания нуворисшей отраднo было видеть отпрыска самой родовитой семьи графства, пришедшей в упадок в трудное время, и который смог своими силами воссоздать капитал и восстановить увядающее великолепие своего рода. Сэр Чарльз, как хорошо известно, сделал солидное состояние на биржевых спекуляциях в Южной Африке. Но в отличие от тех людей, которые продолжают игру до тех пор, пока колесо Фортуны не начинает работать против них, сэр Чарльз проявил большую мудрость и свой выигрыш обратил в наличный капитал, с которым и вернулся в Англию. Прошло всего два года, как он поселился в Баскервилль-Холле, но уже всему графству стали известны те грандиозные планы ремонта и реконструкции поместья, которые были прерваны его смертью. Сам, будучи бездетным, сэр Чарльз не раз публично выражал пожелание, что вся округа должна, покуда он жив, пользоваться его большим состоянием, и поэтому многие люди должны иметь личные основания для того, чтобы сожалеть по поводу его безвременной кончины. Про его щедрые пожертвования на нужды благотворительности как местной, так и всего графства, мы часто писали на страницах нашей газеты.

Обстоятельства, связанные с кончиной сэра Чарльза, нельзя назвать до конца ясными, но, по крайней мере, было достаточно сделано для того, чтобы избавиться от тех слухов, которые породили местные суеверия. Нет серьёзных указаний для того, чтобы подозревать злой умысел, и невозможно представить себе, чтобы его смерть могла стать следствием каких-либо не вполне естественных причин. Сэр Чарльз был вдовцом и человеком, которого можно было назвать, в некотором смысле, эксцентричного стиля мышления. Несмотря на его значительное богатство, он был прост в своих личных вкусах, и штат прислуги в Баскервилль-Холле состоял из одной супружеской пары по фамилии Бэрримор, муж исполнял обязанности дворецкого, а жена – кастелянши. Их показания, подтверждённые показаниями нескольких друзей покойного, сводятся к тому, что здоровье сэра Чарльза в течение некоторого времени было неважным, особенно следует отметить заболевания сердца, обнаруживавшие себя в изменении цвета лица, одышке и острых приступах нервной депрессии. И д-р Джеймс Мортимер, друг и домашний врач больного, показал то же самое.

Причины смерти просты. Сэр Чарльз имел обыкновение каждый вечер перед сном прогуливаться по знаменитой тисовой ¹⁹ аллее Баскервилль-Холла. Это было его привычкой, как сле-

¹⁹ **Тис** – вечнозелёное хвойное дерево до 20 м высотой или низкорослый кустарник, медленно растущий род растений

дует из показаний Бэрримора. Четвёртого мая сэр Чарльз объявил о своём намерении отбыть на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору собрать чемоданы. В ту ночь сэр Чарльз, как обычно, вышел на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Он не вернулся. В двенадцать часов ночи Бэрримор, увидев, что дверь всё ещё открыта, всполошился, зажёл фонарь и отправился на поиски хозяина. В тот день погода была сырой, поэтому следы сэра Чарльза можно было видеть совершенно отчётливо, и они вели в сторону аллеи. В середине аллеи в живой изгороди из тиса имеется просвет, здесь в стене есть калитка, которая выходит на пустошь. Следы показывают, что сэр Чарльз простоял здесь некоторое время. Затем он пошёл дальше по аллее, в дальнем конце которой и было обнаружено его тело. Имеется один факт, который так и не был объяснён, это утверждение Бэрримора, что следы его хозяина после того, как он побыл у калитки, выходящей на пустошь, отличались от тех, которые были до того, было похоже, что дальше он шёл как будто на цыпочках. Некий торговец лошадьми по имени Мэрфи, цыган, в это время находился не遠далеке на пустоши, но, по его собственному признанию, он был пьян. Он утверждает, что слышал крики, но не может сказать, откуда они доносились. На теле сэра Чарльза не было обнаружено следов насилия, и всё же доктор констатировал, что лицо покойного было искажено такой, почти невероятной гримасой, что доктор Мортимер не сразу поверил, что перед ним на самом деле его друг и пациент – разгадка, очевидно, в том, что это один из симптомов, который нередко встречается при диспноэ²⁰ и смерти от сердечной недостаточности. Этот факт был констатирован на вскрытии, которое показало застарелое органическое заболевание, и следовательно коллегии присяжных при коронере²¹ сделал заключение о смерти в соответствии с медицинским диагнозом. Нас радует, что данное дело разрешилось, поскольку крайне важно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в Баскервилль-Холле и продолжил те добрые дела, которые были прерваны этим печальным случаем. Если же прозаическое заключение коронера не положит конец всем известным романтическим рассказам, которые шёпотом передаются из уст в уста в связи с этой историей, может случиться так, что будет трудно найти человека, который захочет жить в Баскервилль-Холле. Известно, что ближайшим родственником покойного является мистер Генри Баскервилль, сын младшего брата сэра Чарльза. В соответствии с последними слухами, этот молодой человек проживает в Америке, и сейчас делаются запросы с целью уведомить его о том, что он является наследником большого состояния».

Д-р Мортимер снова свернул газету и засунул её обратно в карман.

– Таковы факты, которые стали достоянием гласности, мистер Холмс, в связи со смертью сэра Чарльза Баскервилля.

– Я должен поблагодарить вас, – сказал Шерлок Холмс, – за то, что вы поведали о фактах, которые, несомненно, представляют некоторый интерес. Я кое-что читал в газетах об этом случае, но я был чрезвычайно занят одним маленьким казусом, который известен как дело о Ватиканской камее, и так как я был занят делами папы Римского, то вынужден был пропустить несколько интересных случаев здесь, в Англии. Эта статья, если я вас правильно понял, содержит общеизвестные факты?

– Общеизвестные.

– Тогда расскажите мне о том, что не известно широкой публике, – Холмс откинулся назад, сложил вместе кончики пальцев, и на его лице появилось выражение бесстрастного судии.

– Что ж, для этого, – сказал д-р Мортимер, который начал выказывать признаки сильного волнения, – мне придётся рассказать вам то, что я ещё никому не рассказывал. Я ничего

семейства тисовые (*лат.* Тахасаеае). Ядовит, проявляет бактерицидные свойства. Известно около 10 видов тиса, многие из которых могут выращиваться в качестве декоративных растений.

²⁰ Диспноэ – одышка, затруднённое дыхание (*мед.*).

²¹ Коронер (*англ.* coroner) – полицейский чин в Великобритании, следователь по убийствам.

не сообщил об этом следователю, поскольку человек науки не должен опускаться до такого уровня, чтобы поддерживать в народе различные суеверия. Я исхожу из того, что Баскервиль-Холл, как правильно пишут в этой газете, может действительно остаться необитаемым, поскольку некоторые события, объективно говоря, сделали кое-что для того, чтобы усилить его и без того достаточно жуткую репутацию. По этим двум причинам я подумал, что имею право говорить значительно меньше, чем я знаю, поскольку никакой практической пользы из этого всё равно не вышло бы, но в разговоре с вами у меня нет причин быть недостаточно откровенным.

Наша пустошь являет собой малонаселённые места, следовательно, соседям приходится держаться друг за друга и поддерживать хорошие отношения между собой. Поэтому я часто виделся с сэром Чарльзом Баскервиллем. Исключая мистера Фрэнкленда из Лефтер-Холла и натуралиста мистера Стэплтона, у нас на много миль вокруг нет ни одного образованного человека. Сэр Чарльз был человеком, склонным к уединению, но его болезнь давала нам поводы для частого общения, и наши общие интересы в науке помогали этому. Из Южной Африки он привёз много научных сведений, и мы провели много восхитительных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов.

На исходе последних нескольких месяцев мне стало совершенно очевидно, что нервная система сэра Чарльза была на пределе и находилась на грани срыва. Он принимал чрезвычайно близко к сердцу ту легенду, которую я прочитал вам – настолько близко, что, хотя он и был не прочь прогуляться по своим владениям, ничто не могло заставить его выйти на пустошь ночью. Вам может показаться невероятным, мистер Холмс, но сэр Чарльз был на самом деле убеждён в том, что ужасный рок тяготел над его родом, и, несомненно, старинная легенда, которая записана в манускрипте, который достался ему в наследство от предков, никоим образом не могла исправить ситуации. Им овладело ощущение присутствия в наших местах чего-то жуткого, и он несколько раз спрашивал меня, не видел ли я во время ночных вызовов к больным какого-либо странного создания или не слышал ли я собачьего лая. Последний вопрос он задавал мне несколько раз, и всегда голос его при этом дрожал от волнения.

Я хорошо помню один прискорбный случай, который произошёл, когда я вечером ехал к сэру Чарльзу, примерно за три недели до его кончины. Это произошло у двери, ведущей в холл. Я вылез из моего шарабана ²² и стоял прямо перед сэром Чарльзом, как вдруг я увидел, что его взгляд непроизвольно скользнул поверх моего плеча и замер, его глаза с выражением неподдельного ужаса застыли на чём-то, что находилось у меня за спиной. Я моментально обернулся, и в то же мгновение увидел быстро промелькнувшее какое-то существо, которое я принял за большого телёнка чёрного цвета, пересекавшего дорогу вдали от нас. Сэр Чарльз был так возбуждён и встревожен, что мне пришлось сходить туда, где мы заметили это животное, и всё внимательно там осмотреть. Животное исчезло, тем не менее, этот инцидент оказал очень плохое влияние на рассудок сэра Чарльза. Я провёл у него весь вечер, и тут мне представился случай узнать, отчего он так прореагировал на это событие, потому что именно тогда сэр Чарльз мне доверил на хранение тот документ, который я вам прочитал. Я упоминаю об этом небольшом эпизоде, поскольку он приобретает некоторое значение в свете той трагедии, которая произошла вслед за этим, но тогда я был убеждён, что вся описанная в старинном документе история совершенно тривиальна, и что для страхов не было никакого повода.

Это по моему совету сэр Чарльз собирался поехать в Лондон. У него было, как я установил, большое сердце, и жизнь в атмосфере постоянной тревоги – не важно, обоснованной или нет – могла серьёзно отразиться на его здоровье. Я думал, что несколько месяцев в городской атмосфере смогут несколько развеять сэра Чарльза, и он вернётся домой другим человеком.

²² **Шарабан** (от франц. *char à banc*, досл. «повозка со скамейками») – открытый экипаж с поперечными сиденьями, одноконный кабриолет.

Мистер Стэплтон, который дружил с сэром Чарльзом, был того же мнения. Но в самый последний момент произошла эта ужасная катастрофа.

В ночь смерти сэра Чарльза дворецкий Бэрримор, который обнаружил тело, послал грума²³ Перкинса верхом ко мне, а поскольку я поздно лёг спать, то мне удалось прибыть в Баскервиль-Холл в течение часа с момента происшествия. Я проверил и подтвердил все факты, которые были упомянуты в заключении, которое было сделано. Я прошёл по следам, которые вели в тисовую аллею, я осмотрел место возле калитки, которая выходит на пустошь, где стоял сэр Чарльз, я видел, как изменились следы, когда он вернулся назад, я отметил, что на мягком гравии не осталось других следов, кроме следов Бэрримора, и, наконец, я тщательно осмотрел тело сэра Чарльза, которое не трогали до моего приезда. Сэр Чарльз лежал ничком на земле, раскинув руки, пальцы его вцепились в землю, а на лице застыло такое выражение ужаса, его черты были искажены до того, что при других обстоятельствах я с трудом бы смог узнать сэра Чарльза. Но было несомненно одно: на теле не было никаких физических повреждений. Но Бэрримор сделал следствию одно неверное заявление. Он сказал, что около тела не было никаких посторонних следов. Он просто не всё осмотрел. Но я-то осмотрел всё место происшествия, и я нашёл отпечатки – да, на некотором расстоянии от тела, но свежие и отчётливые.

– Это были следы?

– Да, это были следы.

– Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас одну секунду, и его голос понизился почти до шёпота, когда он ответил:

– Мистер Холмс, это были следы лап огромной собаки!

²³ **Грум** (англ. groom, конюх) – зд.: конюх и кучер; в классическом варианте – слуга, сопровождающий верхом всадника или господский экипаж.

Глава 3. Загадка

Признаюсь, при этих словах меня охватила дрожь. Голос доктора вибрировал, показывая, что он тоже был глубоко взволнован той историей, которую только что рассказал нам. Холмс возбужденно нагнулся вперёд, и в его глазах появился жёсткий, сухой блеск, который всегда появлялся в тех случаях, когда он бывал сильно заинтересован чем-либо.

– Вы сами их видели?

– Так же ясно, как вижу вас.

– И вы никому об этом не сказали?

– А какой в этом был смысл?

– Почему же никто, кроме вас, их не заметил?

– Следы были на расстоянии двадцати ярдов ²⁴ от тела сэра Чарльза, и никто не задумывался над фактом их появления. Не могу утверждать, что я бы сам обратил на них внимание в том случае, если бы не был знаком с этим старинным документом.

– У пастухов на пустоши, конечно, много собак?

– Я не сомневаюсь в том, что это не были следы овчарки.

– Вы говорите, следы были очень большими?

– Огромными.

– Но они не приближались к телу?

– Нет.

– Какая погода была той ночью?

– Влажная и сырая.

– Но дождя, всё-таки, не было?

– Нет.

– Что представляет собой эта аллея?

– Два ряда непроходимой живой изгороди из старых тисовых деревьев, двенадцати футов ²⁵ высотой. Проход в центре почти восемь футов шириной.

– Между живой изгородью и дорожкой есть что-нибудь?

– Да, полоса травы шириной около шести футов с обеих сторон.

– Я правильно понял, что в изгороди из тисов имеются ворота?

– Да, точнее, калитка, которая ведёт на пустошь.

– Другого пути нет?

– Нет.

– Таким образом, чтобы попасть в тисовую алею, нужно также либо выйти к ней из дома или войти с пустоши через калитку?

– Можно ещё через летний домик в дальнем конце аллеи.

– Сэр Чарльз дошёл до этого домика?

– Нет, он лежал в пятидесяти ярдах от него.

– Теперь – и это очень важно – скажите, доктор Мортимер, следы, которые вы видели, были на дорожке, а не на траве?

– На траве не было никаких следов.

– А на дорожке они были со стороны калитки, которая ведёт на пустошь?

– Да; они находились на дорожке с краю, как раз, со стороны калитки.

– Вы чрезвычайно меня заинтересовали. Но вот ещё что. Калитка была закрыта?

– Закрыта и заперта на всякий замок.

²⁴ 1 ярд ≈ 91,44 см.

²⁵ 1 фут = 30,48 см.

- Её высота?
- Около четырёх футов.
- Следовательно, кто-то мог перелезть через неё?
- Да.
- На калитке были какие-нибудь следы?
- Ничего конкретного.
- Силы небесные! Её что, никто не осматривал?
- Я лично осмотрел её.
- И ничего не нашли?
- Всё очень странно. Сэр Чарльз, очевидно, простоял там пять или десять минут.
- Как вы это узнали?
- Он два раза стряхнул пепел со своей сигары.
- Превосходно! Вот отличный сыщик, Уотсон, говорю я вам. Но следы?
- Он оставил свои следы повсюду на небольшом участке, посыпанном гравием. Никаких

других я не видел.

Шерлок Холмс нетерпеливым жестом тронул его рукой за колено.

– Если бы я был там! – воскликнул он. – Совершенно очевидно, что мы имеем дело с чрезвычайно интересным случаем, который предоставляет огромные возможности для эксперта с подлинно научным складом ума. На этом гравии я смог бы, как с листа бумаги, прочитывать очень многое, а теперь всё размазано дождём и растоптано любопытными крестьянами. О, доктор Мортимер, доктор Мортимер, подумать только, что вы не позвали меня! У вас должны были быть веские основания для этого.

– Я не мог пригласить вас, мистер Холмс, не придавая фактов огласке, и у меня были свои причины не делать этого. Кроме того, кроме того...

– Ну-ну, говорите.

– Есть некая область, в которой самый проникательный и самый опытный детектив беспомошен.

– Вы считаете, что здесь задействованы сверхъестественные силы?

– Я этого не говорил.

– Не говорили, но, очевидно, подумали.

– После того, как случилась эта трагедия, мистер Холмс, я слышал несколько историй, которые трудно назвать естественными.

– Например?

– Я выяснил, что перед этим ужасным случаем несколько человек видели какое-то существо, очень похожее на демона, преследовавшего Баскервиллей, и которое не похоже ни на одно животное, известное науке. Все они едины в том, что это огромных размеров создание, светящееся всеми цветами радуги и жуткого вида. Я подверг тщательному допросу этих людей: один из них – тупоголовый крестьянин, другой – кузнец, третий – фермер, живущий на пустоши; так вот, все они рассказывают одну и ту же историю про ужасное видение, которое точно соответствует описанию адской собаки из легенды. Я уверяю вас, что наша округа объята настоящим ужасом, и вряд ли найдётся такой смельчак, который вышел бы на пустошь ночью.

– И вы, образованный человек, учёный, верите в сверхъестественные явления?

– Я уже не знаю, что и подумать.

Холмс пожал плечами.

– До сих пор я имел дело с земными явлениями, – сказал он. – В меру моих скромных сил я боролся со злом, но победить самого отца Зла было бы, возможно, слишком далеко идущей задачей. Пока же вам придётся исходить из того, что следы на земле были вполне материальны.

– Собака из легенды тоже была вполне материальна для того, чтобы схватить человека за глотку, но её сущность была явно дьявольской.

– Я вижу, вы совсем перешли на сторону сверхъестественных явлений. Но скажите, доктор Мортимер, если так, то зачем вы вообще обратились ко мне? Вы говорите, что причины смерти сэра Чарльза понять невозможно, и одновременно надеетесь на то, что я их пойму.

– Я не говорил, что надеюсь на это.

– Тогда чем же я могу помочь вам?

– Советом, что мне делать с сэром Генри Баскервиллем, который приедет на вокзал «Ватерлоо», – д-р Мортимер посмотрел на часы. – Ровно через час с четвертью.

– Он наследует состояние?

– Да. После смерти сэра Чарльза мы послали запрос относительно этого молодого джентльмена и обнаружили, что он занимается земледелием в Канаде. Из референций, которые нам были представлены, следует, что это отличный человек во всех отношениях. Я говорю теперь не как врач, но как доверенное лицо и душеприказчик сэра Чарльза.

– Могу предположить, что других претендентов нет?

– Нет. Единственный родственник сэра Чарльза, которого мы смогли обнаружить, был самым младшим из трёх братьев, старшим был сэр Чарльз. Второй брат, который умер в молодости, это отец того парня по имени Генри, который должен приехать. Третий, Роджер, был белой вороной в их семействе. Он сильно возмущал своим поведением старого и очень властного Баскервилля и был, как мне говорили, чрезвычайно похож на фамильный портрет старика Хьюго. В Англии было трудно мириться с его поведением, поэтому он бежал в Центральную Америку и умер там в 1876 году от жёлтой лихорадки. Генри – последний из Баскервиллей. Через один час и пять минут я должен встретить его на вокзале «Ватерлоо». Я получил телеграмму, что сегодня утром он прибыл в Саутгемптон. Теперь, мистер Холмс, мне нужен совет, как поступить с ним?

– А почему бы ему не поехать прямо в своё родовое поместье?

– Это было бы вполне естественно, не так ли? Но ведь всех представителей семьи Баскервиллей именно там преследует злой рок. Я уверен, что если бы сэр Чарльз мог поговорить со мной перед смертью, то он предупредил бы меня о том, что последнему отпрыску старинного рода и наследнику большого состояния ни в коем случае нельзя приезжать в эти зловещие места. Но ведь невозможно отрицать и того факта, что благосостояние этой бедной и мрачной округи зависит от его присутствия. И все добрые дела, которые совершил сэр Чарльз, пойдут прахом, если Баскервилль-Холл останется без хозяина. Смею предположить, что я буду слишком сильно волноваться в связи с очевидным наличием у меня своего собственного интереса в данном вопросе, вот почему я и прошу совета у вас.

Холмс ненадолго погрузился в размышления.

– Называя вещи своими именами, – сказал он, – вы считаете, что сам дьявол открыл у вас своё представительство, и это делает Дартмур небезопасным местом для пребывания Баскервиллей?

– По крайней мере, вся суть нашей беседы сводится к тому, что некоторые подтверждения этого в наличии есть.

– Несомненно. Но, если ваша теория верна, то несчастье может случиться с молодым человеком в Лондоне с той же лёгкостью, что и в Девоншире. Факт наличия дьявола с ограниченными силами в рамках своего, так сказать, прихода, – это будет уже совершенно непредставимо.

– Вы были бы настроены не так глумливо, мистер Холмс, если бы сами столкнулись с этими вещами. Вы считаете, насколько я понял, что молодой человек будет находиться в Девоншире в такой же безопасности, что и в Лондоне. Он приезжает через пятьдесят минут. Итак, ваш совет?

– Я советую, сэр, взять кэб ²⁶, позвать вашего спаниеля, который скребётся у моей входной двери, и проследовать на вокзал «Ватерлоо» для встречи сэра Генри Баскервилля.

– А потом?

– А потом вы ничего ему не говорите до тех пор, пока я всё не обдумаю.

– А сколько времени понадобится вам на обдумывание?

– Двадцать четыре часа. Завтра, в десять часов, доктор Мортимер, я буду очень обязан вам, если вы позвоните в мою дверь, и я смогу составить планы на ближайшее будущее, а также, если вы привезёте с собой сэра Генри Баскервилля.

– Я так и сделаю, мистер Холмс. – Он торопливо записал, чтобы не забыть, время встречи у себя манжете и поспешил к выходу своей немного странной походкой рассеянного человека. Холмс остановил его возле ступенек.

– Ещё только один вопрос, доктор Мортимер. Вы сказали, что до сэра Чарльза ещё несколько человек видели это привидение на болоте?

– Три человека.

– А после смерти сэра Чарльза?

– Ничего не слышал об этом.

– Спасибо. Хорошего утра!

Холмс возвратился на своё место, его глаза тихо светились от подсознательной радости, которая всегда показывала, что перед ним стояла задача, достойная его гения.

– Идёте прогуляться, Уотсон?

– Да, поскольку едва ли я могу быть вам чем-нибудь полезен.

– Напротив, мой дорогой друг, настал час, когда я вынужден обратиться к вам за помощью. Случай, с которым мы имеем дело, просто великолепен и по-настоящему уникален со всех точек зрения. Когда будете проходить мимо магазина Брэдли, пожалуйста, скажите там, чтобы мне прислали фунт ²⁷ самого крепкого чёрного табаку. Спасибо! Было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы оказали мне ещё одну любезность и погуляли бы до вечера. После этого я буду весьма рад обменяться впечатлениями об этой истории, которую мы услышали сегодня утром.

Я знал, что уединение и одиночество были совершенно необходимы для моего друга в те часы предельной концентрации умственных способностей, когда он обдумывал каждую деталь происшествия, выстраивал альтернативные теории, сталкивал их одну с другой и отделял существенное от несущественного. Поэтому я провёл день в клубе и не возвращался на Бейкер-Стрит до вечера. Было около девяти часов, когда я вновь очутился в нашей гостиной.

Когда я открыл дверь, мне сначала показалось, что у нас пожар, потому что комната была так полна дымом, что свет лампы, которая висела над столом, был едва виден. Но, войдя, я всё-таки успокоился, поскольку это был всего лишь невообразимый дым от крепкого и грубого табака, который сдавил мне горло и вызывал у меня кашель. Сквозь дым я с трудом различил очертания фигуры Холмса, который сидел в своём халате, свернувшись в кресле, и сжимая во рту чёрную глиняную трубку. Вокруг было разбросано несколько рулонов бумаги.

– Вы простудились, Уотсон? – спросил он.

– Нет, всему виной ядовитые клубы вашего дыма.

– Полагаю, что его концентрация в комнате изрядна, раз вы об этом говорите.

– Какая там концентрация! Здесь невозможно находиться.

– Тогда откройте окно! А вы, как я понимаю, весь день провели в своём клубе?

– Мой дорогой Холмс!

– Я прав?

²⁶ Кэб (англ. cab) – конный экипаж в Лондоне.

²⁷ 1 фунт ≈ 409,51 г.

– Несомненно, впрочем, как же вы догадались?

Он улыбнулся, видя озадаченное выражение моего лица.

– Уотсон, вам присуща этакая прелестная свежесть, которая может доставить массу удовольствия, когда я хочу немного поупражняться на ваш счёт. Джентльмен уходит из дома в дождливую и грязную погоду. И он возвращается вечером с непорочным глянцем на шляпе и ботинках. Следовательно, весь день он провёл в каком-то помещении. Близких друзей у него нет. Тогда, скажите на милость, где он мог быть ещё? Разве это не очевидно?

– Да, скорее, вполне очевидно...

– Мир полон таких очевидных вещей, которых никто и ни при каких обстоятельствах не замечает. Как вы думаете, где я был?

– Вы также находились в помещении.

– Наоборот, я побывал в Девоншире.

– Мысленно?

– Именно так. Моё тело оставалось в этом кресле, и при этом я с прискорбием сообщая вам о том, что за время моего отсутствия оно поглотило содержимое двух больших кофейников и невероятного количества табака. После вашего ухода я послал в магазин Стэнфорда за картой военно-топографической службы Великобритании, на которой изображена эта пустошь, и мой дух реял над ней весь день. Я лью себе тем, что смог бы сейчас найти там дорогу на местности самостоятельно.

– По всей видимости, это карта крупного масштаба?

– Весьма крупного.

Он развернул один из бумажных свитков и положил его себе на колено.

– Это конкретно то место, которое нас интересует. Вот и Баскервилль-Холл, здесь, посередине.

– В окружении леса?

– Именно. Я предполагаю, что это тисовая аллея, хотя на карте она и не надписана, – аллея должна идти по этой линии вдоль пустоши, как вы понимаете, здесь, – правее. Эта небольшая группа строений – деревушка Гримпен, где проживает наш друг доктор Мортимер. В радиусе пяти миль, как вы видите, есть только несколько разбросанных хижин. А здесь находится Лефтер-Холл, который упоминался в старой рукописи. Здесь показан дом, который может быть резиденцией натуралиста Стэплтона, если я правильно запомнил это имя. Здесь – два дома, в которых проживают фермеры, у которых хозяйства на пустоши, Хай-Тор и Фаулмайр. В четырнадцати милях отсюда находится тюрьма Принстауна. Вот и все те немногие обитаемые точки в той местности, между ними и вокруг них простирается заброшенная и безжизненная пустошь. Таким образом, перед вами та сцена, на которой разыгралась трагедия, и на которой мы можем помочь поставить её в этих декорациях заново.

– Дикие, должно быть, места.

– Да уж, условия соответствующие. Если дьявол захочет запустить свои руки в дела человеческие...

– Но ведь вы сами отклонили сверхъестественные объяснения этой истории.

– Слуги дьявола могут быть из плоти и крови, почему же нет? Для начала есть два вопроса, которые ждут нашего решения. Первый, это – было ли на самом деле совершено какое-либо преступление вообще; второй – что это за преступление, и каким образом оно было совершено? Конечно, если подозрения доктора Мортимера оправдаются, и мы имеем дело с теми силами, которые выходят за рамки обычных законов природы, то наше расследование на этом и должно закончиться. Но мы обязаны исчерпывающим образом отработать все другие гипотезы перед тем, как сдать. Я думаю, что мы снова закроем это окно, если вы не возражаете. Воздух в комнате у нас уникальный, но я нахожу, что концентрация дыма в атмосфере помогает концентрации мысли. Я ещё не достиг дна в своих рассуждениях, но теперь можно,

следуя логике событий, придти к некоторым логическим выводам. Вы уже провертели это дело у себя в уме?

– Да, сегодня днём у меня было вполне достаточно времени для размышлений.

– И к каким выводам вы пришли?

– Я полностью зашёл в тупик.

– Случай, не сомневаюсь, совершенно замечательный. К нему можно подойти с разных точек зрения. Вот, например, характер следов резко изменяется. Что вы об этом думаете?

– Мортимер сказал, что часть аллеи пострадавший прошёл на цыпочках.

– Он только повторил то, что сказал какой-то дурак во время следствия. Почему это человек должен идти по аллее на цыпочках?

– Так почему же?

– Он бежал, Уотсон – бежал очень быстро, бежал в крайнем испуге, спасая свою жизнь, бежал до тех пор, пока у него не разорвалось сердце – и упал замертво лицом вниз.

– Бежал от кого?

– В этом-то и заключается проблема, которую нам предстоит разрешить в ходе нашего расследования. Всё указывает на то, что этот человек сошёл с ума от страха, а потом побегал по аллее.

– Почему вы так думаете?

– Я предполагаю, что источник его испуга приближался к нему через пустошь. Если это было в самом деле так, то этим и объясняется тот факт, что человек, который полностью потерял рассудок, побегал прочь от дома вместо того, чтобы бежать в дом. Если можно поверить показаниям цыгана, то сэр Чарльз с криками о помощи побегал туда, где эта помощь была наименее вероятной. И, опять же, кого он мог ждать ночью, и почему он ждал этого человека в тисовой аллее, а не у себя дома?

– Вы думаете, что он кого-то ждал?

– Сэр Чарльз был человек пожилой и немощный. Мы можем понять причину его вечерних прогулок, но в ту ночь земля была сырой, а погода скверной. Нормально ли то, что он простоял у калитки пять или десять минут, как это определил по количеству пепла от сигары доктор Мортимер, проявив больше практической сметки, чем я от него ожидал?

– Но ведь это были ежевечерние прогулки.

– Я думаю, что он вряд ли каждый вечер стоял у калитки, ведущей на пустошь. Наоборот, есть сведения, что сэр Чарльз избегал этой пустоши. И как раз в ту ночь он чего-то ожидал там. Это была ночь перед его отъездом в Лондон. Случай приобретает настоящую остроту, Уотсон! Проясняется взаимосвязь событий. Если вы будете столь любезны, что передадите мне мою скрипку, то мы отложим все дальнейшие рассуждения по этому делу до завтра, когда мы будем иметь удовольствие встретиться с доктором Мортимером и сэром Генри Баскервиллем.

Глава 4. Сэр Генри Баскервилль

Рано утром посуда была убрана со стола после завтрака, и Холмс, сидя в халате, ожидал обещанной встречи. Наши клиенты были предельно пунктуальны, поскольку часы только что пробили десять, когда появился д-р Мортимер в сопровождении молодого баронета ²⁸. Последний был небольшого роста, явно с живым характером, кареглазый человек возрастом около тридцати лет, очень крепкого телосложения, с густыми чёрными бровями и очень волевым лицом мужчины, который всегда не прочь поучаствовать в хорошей драке. На нём был твидовый костюм красного цвета, а обветренное лицо ясно говорило о том, что этот человек проводит много времени на открытом воздухе, и что-то было такое в его спокойном взгляде и в манере держаться с достоинством, что указывало на то, что перед нами – джентльмен.

– Это сэр Генри Баскервилль, – сказал д-р Мортимер.

– Ну да, – ответил тот. – И самое интересное, мистер Холмс, что если бы мой друг не предложил мне сделать крюк и заехать к вам, то мне пришлось бы нанести вам визит по моей собственной инициативе. Я в курсе, что вы умеете разгадывать всякие головоломки, с одной из которых я столкнулся сегодня утром, и которая требует больше внимания, чем я могу ей уделить.

– Прошу вас, садитесь, сэр Генри. Правильно ли я вас понял, что по приезде в Лондон с вами случилось нечто совершенно замечательное?

– Да ничего особо важного, мистер Холмс. Просто какая-то шутка. Я получил письмо, если это можно назвать письмом, которое мне вручили сегодня утром.

Он положил конверт на стол, и мы все склонились над ним. Конверт был самый обычный, сероватого цвета. Адрес «Сэру Генри Баскервиллю, отель „Нортумберленд“» был написан корявыми печатными буквами; почтовый штемпель «Чаринг-Кросс», датировал письмо вчерашним вечером.

– Кто-нибудь знал, что вы остановитесь в отеле «Нортумберленд»? – спросил Холмс, пристально глядя на нашего посетителя.

– Никто не мог этого знать. Отель мы выбрали с доктором Мортимером уже после нашей встречи.

– Но доктор Мортимер, без сомнения, остановился в том же отеле?

– Нет, я живу у товарища, – сказал д-р Мортимер.

– Не было решительно никаких признаков того, что мы выбрали этот отель.

– Гм! Похоже на то, что кто-то очень интересуется маршрутом вашего передвижения.

Холмс вынул из конверта лист бумаги размером в половину большого листа, сложенный вчетверо. Он развернул его и разгладил на столе. Посередине страницы шло единственное предложение, состоявшее из наклеенных на бумагу отпечатанных типографским способом слов. А именно: «Если вам дороги ваша жизнь и ваш рассудок, держитесь в стороне от этой пустоши». Слово «пустоши» было написано чернилами.

– Ну, – сказал сэр Генри Баскервилль, – Может быть, вы скажете мне, мистер Холмс, какого черта всё это означает, и кто это интересуется моими делами?

– Что вы думаете об этом, доктор Мортимер? Вы определённо должны признать, что уж тут-то нет ничего сверхъестественного?

– Нет, сэр, но всё это играет на руку тому, кто заинтересован представить этот случай в сверхъестественном свете.

²⁸ **Баронет** – титулованный дворянин в Англии, занимает промежуточное место между нетитулованным дворянством (gentry) и титулованным (nobility), на одну ступень ниже титула барона.

– Какой случай? – резко спросил сэр Генри. – Такое впечатление, джентльмены, что про мои дела вы знаете намного больше моего.

– Мы поделимся с вами нашими познаниями прямо в этой комнате. Обещаю вам, – сказал Шерлок Холмс. – С вашего разрешения, на сей раз мы ограничимся этим очень интересным документом, который, по-видимому, был сфабрикован и отослан вчера вечером. У вас есть вчерашняя «Таймс», Уотсон?

– Здесь, в углу.

– Могу я вас побеспокоить – там, на вкладке, центральные материалы? – Он быстро пробежал страницу, водя взглядом вверх и вниз по колонкам текста. – Передовая статья о свободе торговли. Разрешите, я вам прочту вам выдержку из неё.

«Если вы льстите себе мыслью, что ваша торговля и ваше собственное производство могут быть поддержаны закрепительным тарифом, то ваш здравый рассудок поможет вам понять, что введение этой законодательной инициативы ясно показывает: от этой идеи насчёт богатства и процветания держитесь в стороне, хотя эти надежды и были вам так дороги, поскольку объёмы импорта неизбежно уменьшатся, вследствие чего жизнь на нашем острове качественно ухудшится».

– Что вы об этом думаете, Уотсон? – воскликнул Холмс радостным голосом и удовлетворенно потирая руки. Не правда ли, всё это просто отлично?

Д-р Мортимер посмотрел на Холмса не без профессионального интереса, а сэр Генри Баскервилль озадаченно вытаращил на меня свои карие глаза.

– Я не очень-то разбираюсь в этих тарифах и тому подобных штуках, – сказал он, – но сдаётся мне, что мы потеряли след нашей истории, если она ещё кому-нибудь интересна.

– Наоборот, я думаю, что мы идём по горячему следу, сэр Генри. Уотсон лучше разбирается в методах моей работы, но боюсь, что даже он не совсем понял значения этой фразы.

– Нет, я, признаться, не вижу никакой связи.

– Что вы, мой дорогой Уотсон, связь есть и она очень глубокая, поскольку одно вытекает из другого. «Вы», «вам», «жизнь», «рассудок», «дороги», «держитесь в стороне», «от этой». Теперь вы понимаете, откуда были взяты эти слова?

– Разрази меня гром, вы правы! И пусть он меня разразит, если это не так! – закричал сэр Генри.

– Все сомнения рассеются, если вы обратите внимание на то, что отрывки «держитесь в стороне» и «от этой» вырезаны на одном куске бумаги каждый.

– Итак, след – вот он!

– Действительно, мистер Холмс, это превосходит всё, что я себе представить, – сказал д-р Мортимер, удивлённо глядя на моего друга. – Я ещё смогу понять, если скажут, что эти слова были вырезаны из газеты; но вы сказали, из какой именно газеты и прибавили, что их вырезали из передовицы. Это самое удивительное из того, что я когда-либо видел. Как это вам удалось?

– Я думаю доктор, что вы сможете отличить череп негра от черепа эскимоса?

– Смогу наверняка.

– Но каким образом?

– Видите ли, это предмет моего особого увлечения. Разница самоочевидна! Супраорбитальный ²⁹ край лобной кости, лицевой угол ³⁰, закругление челюсти, и ещё...

– А это предмет *моего* особого увлечения, и различия также самоочевидны. Для моего глаза различия между шрифтом «Боргес» ³¹ на шпонах ³², которым верстают «Таймс», и неряш-

²⁹ Супраорбитальный – надглазничный (мед.).

³⁰ Лицевой угол – угол наклона лица по отношению к вертикали, образуется так называемой лицевой и горизонтальной линиями черепа. Известно несколько методик определения лицевого угла. Является одним из антропологических показателей.

³¹ Боргес – размер шрифта в 9 пунктов, 1 пункт ≈ 0,4 мм.

³² Шпоны – пробельный элемент в строкоотливном свинцовом (из гартового сплава) типографском наборе. Шпоны пред-

ливой печатью вечерней газеты ценою в полпенни столь же очевидны, как различия между вашими неграми и эскимосами. Умение различать шрифты – это один из самых элементарных навыков, которыми должен владеть эксперт в области криминалистики, хотя мне следует со стыдом признаться, что однажды, когда я был ещё очень молод, я перепутал «Вестник Меркурия» с «Вестерн Морнинг Ньюс». Однако не узнать шрифта передовицы «Таймс» решительно невозможно, поэтому искать вырезанное нужно было именно там. Поскольку это было сделано вчера, то было наиболее вероятно, что мы найдём нужные слова во вчерашнем номере.

– Тогда, насколько я вас понял, мистер Холмс, – сказал сэр Генри Баскервиль, – эти слова были вырезаны ножницами...

– Маникюрными ножницами, – сказал Холмс. – Видите, это были ножницы с очень короткими лезвиями, так как для того, чтобы вырезать «держитесь подальше», вырезавшему пришлось сделать два надреза.

– Это так. Некто, следовательно, вырезал это послание ножницами с короткими лезвиями, прилепил их какой-то пастой...

– Это клей, – сказал Холмс.

– ...клеем на бумагу. Но хотел бы я знать, почему слово «пустошь» написано от руки?

– Потому что он не нашёл его в газете. Остальные слова были очень простыми, их можно найти в каждом номере, а вот слово «пустошь» не такое распространённое.

– Что ж, конечно, это хорошее объяснение. Вы смогли извлечь что-нибудь ещё из этого письма, мистер Холмс?

– Там есть ещё кое-что, поэтому нужно постараться и распутать все нити. Адрес, как вы видите, коряво написан печатными буквами. Однако, такую газету, как «Таймс», редко читает кто попало, она для образованных людей. Таким образом, мы можем предположить, что письмо скомпоновано образованным человеком, который хотел выдать себя за необразованного, и попытка скрыть свой почерк позволяет предположить, что вы знаете этого человека или можете его знать. Опять же, вы видите, что слова не наклеены аккуратно в линию, а одни расположены намного выше других. Слово «жизнь», например, находится совсем не там, где оно должно быть. Это может быть следствием простой небрежности или может указывать на то, что человек был возбуждён или спешил. В целом, я склоняюсь к последнему, так как письмо было очевидно важным, и вряд ли автор такого письма мог допустить небрежность. Если он спешил, то это вызывает интересный вопрос, почему он спешил, ведь если отправить письмо рано утром, то сэр Генри его получит ещё до того, как покинет отель. Может быть, отправитель боялся, что ему помешают – тогда кто мог ему помешать?

– Мы, видимо, вступаем в область догадок и предположений, – сказал д-р Мортимер.

– Скажите, лучше, в ту область, в которой мы будем взвешивать различные гипотезы, и выбирать из них наиболее вероятные. Это и есть научное использование возможностей воображения, но у нас всегда будет материальный базис, на котором мы будем строить наши гипотезы. Конечно, вы можете называть это догадками и предположениями, но я почти уверен в том, что письмо было написано в гостинице.

– Как вы можете утверждать это, не выходя за грань вероятного?

– Если вы внимательно изучите письмо, то вы увидите, что перо и чернила доставили немало хлопот тому, кто его писал. Перо дважды пустило брызги на одном слове, адрес короткий, но перо трижды пришлось обмакнуть в чернильницу, то есть чернил в чернильнице было недостаточно. Понятно, что дома ручка или чернильница редко бывают в таком состоянии, а если ручка и чернильница одновременно, то это уже совсем уникально. Но вы знаете, какие ручки и чернильницы бывают в гостиницах, редко вы там встретите что-нибудь иное. Да, у

меня почти нет никаких сомнений в том, что если мы исследуем содержимое корзины для бумаг в гостинцах в районе вокзала «Чаринг-Кросс», то обнаружим там остатки покалеченной «Таймс», и человек, который послал это необычное письмо, будет практически в наших руках. Ба, что это?

Холмс тщательно изучал лист писчей бумаги, на котором были наклеены слова, удерживая его на расстоянии всего дюйма или двух от своих глаз.

– Итак?

– Ничего, сказал он, бросая лист вниз. – Это чистый лист бумаги половинного формата, на нём нет даже водяных знаков. Я думаю, что из этого странного письма мы выжали всё, что могли; а теперь, сэр Генри, скажите, не случилось ли с вами ещё чего-либо странного в Лондоне?

– Да нет, мистер Холмс. Думаю, что нет.

– За вами никто не следил?

– Я, кажется, попал в герои приключенческого романа, которые продают за десять центов, – сказал наш гость. – Почему, гром и молния, кто-то будет следить за мной?

– Мы как раз подходим к этой теме. Вам нечего сообщить нам, прежде, чем мы перейдём к ней?

– Ну, это зависит от того, что вы понимаете под сообщением.

– Думаю, что это может быть интересный рассказ обо всём, что выходит за рамки ежедневной рутины.

Сэр Генри улыбнулся.

– Я пока не очень знаком с британскими обычаями, потому что почти всю жизнь прожил в Штатах и в Канаде. Но мне кажется, что если человек потерял один башмак, то это даже здесь выходит за рамки ежедневной рутины.

– Вы потеряли один ботинок?

– Дорогой сэр, – вскричал д-р Мортимер, – Это просто недоразумение! Вы найдёте его, когда вернётесь в отель. Для чего занимать мистера Холмса такими пустяками?

– Ну, он сам попросил меня рассказать о чём-нибудь, что выходит за рамки ежедневной рутины.

– Вот именно, – сказал Холмс. – Каким бы глупым не показалось происшествие. Вы сказали, что у вас исчез ботинок?

– Видимо, он как-то затерялся. Вечером я выставил за дверь оба ботинка, а утром обнаружил только один. И так ничего и не добился от того парня, который в гостинице чистит обувь. Самое скверное то, что я только вчера вечером купил эти ботинки на Стрэнде и ещё ни разу не надевал их.

– А если вы ещё никуда не ходили в них, то зачем же чистить новые ботинки?

– Это были ботинки из дублёной кожи жёлто-коричневого цвета, я хотел, чтобы на них навели блеск. Для этого я и выставил новые ботинки за дверь.

– Я правильно вас понял, что сразу же по приезде в Лондон вы пошли в город и купили себе пару ботинок?

– Я славно прошёлся по магазинам. Доктор Мортимер помогал мне советами. Видите ли, если уж я решу поселиться здесь в качестве сквайра³³, то я просто обязан одеться соответствующим образом, а живя на Западе, я как-то не придавал одежде большого значения. Среди прочих вещей, я купил эти коричневые ботинки – я заплатил за них шесть долларов – и один из них у меня спёрли ещё до того, как я надел их.

– Кажется, это совершенно бесполезная вещь для кражи, – сказал Шерлок Холмс. – Я согласен с доктором Мортимером, что в скором времени ботинок найдётся.

³³ Сквайр (англ. squire) – зд.: помещик.

– А сейчас, джентльмены, – решительно сказал баронет, – сдаётся мне, что я достаточно рассказал вам о тех пустяках, которые мне известны. Кажется, теперь для вас настало самое время рассказать мне обо всём, что тут случилось.

– Ваша просьба весьма разумна, – ответил Холмс. – Доктор Мортимер, трудно придумать что-нибудь лучше, чем пересказать ту историю, что вы рассказали нам.

Ободрённый этой просьбой, наш учёный друг вытащил из кармана свой манускрипт и прочитал целиком историю, которую зачитал нам днём раньше. Сэр Генри Баскервилль выслушал её с глубоким вниманием, иногда слышались его удивлённые восклицания.

– Хорошо, кажется, я вступаю в наследство, над которым тяготеет нечто такое, что вызывает к возмездию, – сказал он, когда уже известный нам длинный рассказ подошёл к концу. – Конечно, я ещё в раннем детстве слышал про эту историю с собакой. Рассказы об этом нашем домашнем животном я, впрочем, никогда не воспринимал всерьёз. Однако, если она стала причиной смерти моего дяди – что ж, это полностью меняет все мои представления о ней, и я вряд ли смогу осмыслить, что это такое. Вы, тоже, кажется, ещё не совсем разобрались с ней, хотя я уж и не знаю, кто тут нужен – полицейский или священник.

– Вот именно.

– К тому же, эта история с письмом, которое принесли мне в отель. Мне кажется, всё это очень подходит к рассказу о собаке.

– Такое впечатление, что кто-то знает больше нас о том, что делается на пустоши, – сказал д-р Мортимер.

– А также на то, – сказал Холмс, – что не является вашим недоброжелателем, так как он предупредил вас об опасности.

– А, может быть, кто-то хочет держать меня в своих целях подальше от тех мест.

– Да, конечно, это тоже возможно. Я очень в долгу у вас, доктор Мортимер, потому что вы познакомили меня с делом, которое представляет собой столь большой интерес для расследования. Но, с практической точки зрения, мы должны решить, что нам делать, и поэтому я настоятельно рекомендую вам, сэр Генри, – хотелось бы вам или нет, – ехать в Баскервилль-Холл.

– Почему же я могу не хотеть?

– А если это может быть опасно?

– Вы имеете в виду того изверга из преисподней, который преследует нашу семью или опасность исходит от человеческого существа?

– Что ж, эту задачу нам и предстоит решить.

– Как угодно, но я повторяю ещё раз. Ни дьявол в своём аду, ни дед на облаке, не помешают мне поехать домой, к моим людям: можете считать это моим ответом.

Когда он говорил это, его тёмные брови шевелились, а лицо стало тёмно-красного цвета. Было очевидно, что горячий характер Баскервиллей передался их последнему представителю.

– Впрочем, – сказал он, – у меня вряд ли будет время поразмыслить над всем тем, что вы мне тут сказали. Человеку трудно понять такое за один присест. Я хотел бы провести часок в тишине, дабы поразмыслить над всем этим. А теперь посмотрите на часы, мистер Холмс, уже половина восьмого, и я пойду прямо к себе в отель. Я жду вас и вашего друга доктора Уотсона, предположим, в два часа на ленч ³⁴. Я буду готов дать вам более вразумительный ответ на все ваши вопросы.

– Вам будет удобно в два, Уотсон?

– Вполне.

– Тогда ждите нас в гости. Вызвать вам кэб?

– Я предпочёл бы пройти пешком. На меня слишком много свалилось всякого разного...

³⁴ **Ленч** (англ. lunch) – обед в середине рабочего дня, обычно в полдень.

– С удовольствием пройду с вами, – сказал его компаньон. Тогда увидимся снова в два часа. Au revoir ³⁵ и хорошего вам дня!

Мы слышали, как наши посетители спускались по лестнице вниз, и как потом хлопнула входная дверь. В одно мгновение Холмс из вялого мечтателя превратился в человека действия.

– Надевайте шляпу и ботинки, Уотсон, быстро! Нельзя терять ни минуты!

Он быстро ушёл в свою комнату и через несколько секунд вернулся уже не в халате, а в спортуке. Мы быстро спустились вниз по лестнице и вышли на улицу. В двух сотнях ярдов мы увидели д-ра Мортимера и Баскервилля, которые удалялись в сторону Оксфорд-Стрит.

– Может быть, я побегу и остановлю их?

– Ни за что на свете, мой дорогой Уотсон. Я в высшей степени ценю ваше общество, если вы не имеете ничего против. Наши друзья поступили мудро, это великолепное утро для прогулки.

Холмс шёл всё быстрее до тех пор, пока расстояние между нами и нашими клиентами не сократилось вдвое. Затем, держась в ста ярдах позади д-ра Мортимера и сэра Баскервилля, мы вышли на Оксфорд-Стрит и пошли по ней Риджент-Стрит. Один из наших друзей остановился и начал рассматривать витрину. Холмс сделал то же самое. Немного времени спустя он негромко издал радостный возглас, и, следуя за направлением взгляда его возбуждённых глаз, я увидел двухколёсный кэб, остановившийся на другой стороне улицы, и теперь медленно поехавший снова вперёд.

– Вот человек, которого мы ищем, Уотсон! Идёмте! Рассмотрим его хорошенько, если уж мы не можем сделать ничего другого. В этот момент я увидел окладистую чёрную бороду и пронизательные глаза, которые смотрели на нас через окно кэба. Внезапно люк в крыше кэба распахнулся, пассажир что-то прокричал кучеру, и кэб с бешеной скоростью устремился вдоль Риджент-Стрит.

Холмс азартно оглянулся в поисках другого кэба, но свободных не было ни одного. Тогда он бросился поперек сплошного потока экипажей, которые ехали один за другим, но было поздно, и тот кэб уже исчез из виду.

– Вот тебе и раз! – с горечью сказал Холмс, вынырнув из потока экипажей, вздыхая и весь бледный от досады. – Какая неудача – и, к тому же, как же это мы так сгруппили? Уотсон, Уотсон, если вы честный человек, то вы должны написать об этом в своих записках – в противовес моим удачам!

– Кто это был?

– Понятия не имею.

– Он следил за ними?

– Что ж, очевидно, он неотступно следовал за Баскервиллем с тех пор, как тот приехал в Лондон. Иначе откуда было бы известно, что он остановился в отеле «Нортумберленд», который сам же и выбрал? Если за ним следили в первый день, то совершенно очевидно, что будут следить и во второй. Вы, кстати, могли заметить, что я дважды незаметно подходил к окну, пока доктор Мортимер читал нам свой манускрипт.

– Да, я помню.

– Я искал на улице соглядатая, но не увидел его. Мы имеем дело с умным человеком, Уотсон. Дело уже зашло очень далеко, и хотя я ещё не понимаю, с какими силами – добра или зла – мы имеем дело, то я вполне осознаю масштабы происходящего. Когда наши друзья оставили нас, я в качестве невидимого сопровождающего сразу пошёл за ними. Человек, который следит за ними, так хитёр, что не рискнул пойти за ними пешком, а воспользовался кэбом, чтобы было можно незаметно держаться позади них или заезжать далеко вперёд. У этого метода есть

³⁵ До свидания (франц.).

дополнительное преимущество: если бы они тоже взяли кэб, то он и тогда мог бы следовать за ними. Он имеет, тем не менее, один очевидный недостаток.

– Он отдаёт себя во власть кэбмена.

– Вот именно.

– Как жаль, что мы не запомнили номера кэба!

– Мой дорогой Уотсон, вы же не станете утверждать всерьёз, что даже такой неуклюжий увалень, как я, пренебрёг бы возможностью посмотреть номер? Наш кэб номер 2704. Но сейчас это неважно.

– Не понимаю, как бы вы могли сделать большее.

– Увидев кэб, я сразу должен был развернуться и пойти в другом направлении. Потом, через некоторое время, нанять второй кэб и следовать за первым на почтительном расстоянии или, что ещё лучше, поехать к отелю «Нортумберленд» и ждать там. Когда наш незнакомец проводил бы Баскервилля до дома, у нас была бы возможность сыграть с ним в его собственную игру и посмотреть, что это за птица. Но наш оппонент с чрезвычайной быстротой и энергией воспользовался преимуществом, которое дал ему тот неразумный пыл, с которым мы начали преследование: мы выдали своё присутствие и потеряли этого человека.

Мы, беседуя, медленно пошли вдоль Риджент-Стрит, а д-р Мортимер со своим компаньоном долго маячили впереди нас.

– За нами никто не следует, – сказал Холмс. – Тень исчезла и больше не вернётся. Мы должны посмотреть, что за карты мы имеем в своих руках и тогда начнём играть по плану. Вы могли бы под присягой описать в суде лицо этого человека в кэбе?

– Я смог бы описать только бороду.

– Тогда я наверняка могу утверждать, что эта борода – фальшивая. Такой умный человек вряд ли не сбрит свою бороду, занимаясь столь деликатным делом, ведь его по ней легко узнают. Заглянем сюда, Уотсон!

Он зашёл в одну из местных контор по найму рассыльных, где его тепло встретил заведующий.

– А, Вильсон, я вижу, вы ещё не забыли то маленькое дельце, в котором мне посчастливилось помочь вам?

– Нет, сэр, что вы, как я мог! Вы помогли мне сохранить моё честное имя и, может быть, жизнь.

– Мой дорогой друг, вы преувеличиваете. Мне помнится, Вильсон, что среди ваших мальчиков был некий Картрайт, который помог нам тогда в расследовании.

– Да, сэр, он всё ещё работает у нас.

– Можете позвать его? Спасибо! И я бы был бы счастлив, если бы вы разменяли мне банкноту в пять фунтов.

Мальчик четырнадцати лет, с ясным и умным лицом, явился по вызову заведующего. Он теперь стоял и с большим почтением, внимательно смотрел на знаменитого детектива.

– Дайте мне справочник лондонских гостиниц, – сказал Холмс. – Спасибо! Вот, Картрайт, здесь название двадцати трёх отелей, все они находятся в непосредственной близости от вокзала «Чаринг-Кросс». Видите?

– Да, сэр.

– Вы обойдёте их всех по очереди.

– Да, сэр.

– В каждой вы дадите швейцару у входа по одному шиллингу. Вот двадцать три шиллинга.

– Да, сэр.

– Объявите им, что вам нужно просмотреть все выброшенные вчера постояльцами бумаги. Скажите, что важная телеграмма была доставлена не по адресу, и вы теперь её ищете. Понимаете?

– Да, сэр.

– Но на самом деле вы будете искать номер «Таймс» с передовицей на развороте, в которой ножницами вырезаны дырки. Вот этот номер «Таймс». Вот эта страница. Вы легко узнаете её, не правда ли?

– Да, сэр.

– Каждый раз наружный швейцар будет звать из вестибюля другого швейцара, которому вы тоже дадите шиллинг. Вот ещё двадцать три шиллинга. Вы затем узнаете, вероятно, в двадцати случаях, что вчерашний мусор уже сожгли или вывезли. В трёх остальных случаях вам покажут кучу бумаги, и вы будете искать в ней номер «Таймс». Вероятность того, что вы найдёте искомое, очень мала. Вот ещё десять шиллингов на всякий случай. В конце дня о результатах сообщите мне на Бейкер-Стрит. А теперь, Уотсон, нам остаётся только запросить по телеграфу о личности кэбмена № 2704, а затем сходим в картинную галерею на Бонд-Стрит и проведём там время до визита в отель.

Глава 5. Три оборванные нити

У Шерлока Холмса была замечательная способность переключать направление работы своего ума. Тот странный случай, с которым мы имели дело, был забыт на два часа, и мы полностью погрузились в изучение картин современных бельгийских мастеров. Он говорил только об искусстве, о котором имел весьма смутные представления, и так продолжалось до того, как мы оказались в отеле «Нортумберленд».

– Сэр Генри Баскервилль ожидает вас наверху, – доложил служащий. – Он просил, чтобы вы сразу поднялись к нему.

– Вы не возражаете, если я посмотрю список постояльцев? – спросил Холмс.

– Нисколько.

Исследование книги показало, что после Баскервилля было записано ещё два постояльца. Один из них – Теофилиус Джонсон с семьёй, из Ньюкасла; кроме него – миссис ³⁶ Олдмор с горничной, из Хай Лодж, Элтон.

– Несомненно, это должен быть тот Джонсон, которого я знал когда-то, – сказал Холмс портье. – Адвокат, да, седой, прихрамывает?

– Нет, сэр, этот мистер Джонсон – владелец каменноугольных копей, очень активный джентльмен, по возрасту не старше вас.

– Вы не ошибаетесь относительно рода его занятий?

– Нет, сэр! Он уже много лет останавливается в нашем отеле, и мы хорошо его знаем.

– А, это решает всё дело. Кстати, миссис Олдмор; кажется, я припоминаю это имя. Извините моё любопытство, но часто бывает так, что ищешь одного друга, а находишь другого.

– Это пожилая леди, инвалид, сэр. Её муж был когда-то майором в Глочестере. Она всегда останавливается у нас, когда приезжает в Лондон.

– Благодарю вас; боюсь, что я с ней не знаком.

– Посредством наших расспросов, мы установили один очень важный факт, Уотсон, – продолжил Холмс вполголоса, когда мы с ним поднимались вверх по лестнице. – Теперь мы знаем, что люди, которые интересуются нашим другом, живут не в этом отеле. Это означает, что хотя они, как мы уже видели, очень озабочены тем, чтобы наблюдать за ним, они в равной степени озабочены и тем, чтобы он не заметил их. Сейчас этот факт наводит на размышления больше, чем все остальные.

– Что из этого следует?

– Из этого следует... Ба, мой дорогой друг, что же ещё стряслось с вами?

Когда мы уже почти до конца поднялись по лестнице, навстречу нам выбежал сам сэр Генри Баскервилль. Его лицо было перекошено от гнева, а в руках он держал старый пыльный башмак. От ярости он с трудом выговаривал слова, и в его речи западный диалект слышался гораздо явственнее, чем когда он разговаривал с нами сегодня утром.

– Похоже, что в этой гостинице меня принимают за какого-то дурачка, – закричал он. – Эти обезьяны должны лучше относиться к своим постояльцам. Разрази меня гром, но если этот парень не найдёт моего ботинка, то у них будут хорошие неприятности. Я понимаю шутки, мистер Холмс, но на этот раз они хватили через край!

– Всё ещё ищите свой ботинок?

– Да, сэр, и надеюсь найти его!

– Но вы, кажется, говорили, что это был новый ботинок из кожи коричневого цвета?

– Именно, сэр. А теперь ещё старый чёрный!

– Что? Уж не хотите ли вы сказать?..

³⁶ Миссис – обращение к замужней женщине (в отличие от «мисс», обращения к девушке).

– Именно это я и хочу сказать. Теперь у меня у одного в мире три такие пары ботинок: новый коричневый, старый чёрный и те из лакированной кожи, которые сейчас на мне. Вчера ночью они утащили новый коричневый, а сегодня эти жулики унесли чёрный. Ну, что, нашли? Отвечайте, уважаемый, не стойте с вытаращенными глазами!

На сцене появился взволнованный немец-коридорный.

– Нет, сэр; я расспросил всех в отеле, но никто не сказал ничего про это.

– Отлично, или ботинок отыщется до захода солнца, или я позову менеджера отеля и скажу ему, что прямо сейчас съезжаю отсюда.

– Он найдётся, сэр, обещаю вам, что если вы немного потерпите, то он найдётся.

– Думаю, это последняя вещь, которую я теряю в этом воровском притоне. Хорошо, хорошо, мистер Холмс, я надеюсь, что вы извините меня, что я так горячусь из-за пустяков...

– Я считаю, над этим стоит задуматься.

– Что, вы серьёзно говорите?

– А чем вы можете объяснить это?

– Я просто не пытаюсь ничего объяснять. Кажется, это самая дурацкая и необычная вещь, из когда-либо случавшихся со мной.

– Да, необычная, возможно, – задумчиво сказал Холмс.

– Что вы сами об этом думаете? Не могу пока признаться в том, будто понимаю, что происходит. Это очень серьёзный случай, сэр Генри. Если рассматривать все события в связи со смертью вашего дяди, то я не поручусь, что среди пятисот важных дел, которые я расследовал, найдётся такое же запутанное и сложное. Но у нас есть три нити, и все эти странные события так или иначе помогут нам его распутать. Мы можем зря потерять время, идя по ложному следу, но рано или поздно мы найдём истину.

Затем у нас был очень приятный обед, во время которого мы не слишком много говорили о том деле, которое свело нас. Затем мы отдыхали в уютной гостиной, где Холмс спросил Баскервилля про его дальнейшие намерения.

– Еду в Баскервилль-Холл.

– А когда?

– В конце недели.

– В целом, – сказал Холмс, – Я думаю, что ваше решение мудро. У меня есть подтверждение того, что вас упорно преследуют в Лондоне, а среди миллионов людей в этом большом городе трудно понять, кто и с какой целью вас преследует. Если у кого-то есть злые намерения, то вам вполне может быть причинён вред, который мы будем бессильны предотвратить. Вы не знали, доктор Мортимер, что по дороге от моего дома за вами следили?

Д-р Мортимер был ошарашен.

– Следили! Кто?

– Это, к сожалению, я вам сказать не могу. Среди ваших соседей или знакомых в Дартмуре есть человек с чёрной, окладистой бородой?

– Нет – или дайте мне подумать – как же, есть. Бэрримор, дворецкий сэра Чарльза, у него большая, чёрная борода.

– А! Где сейчас этот Бэрримор?

– Дома, он отвечает за Баскервилль-Холл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.